

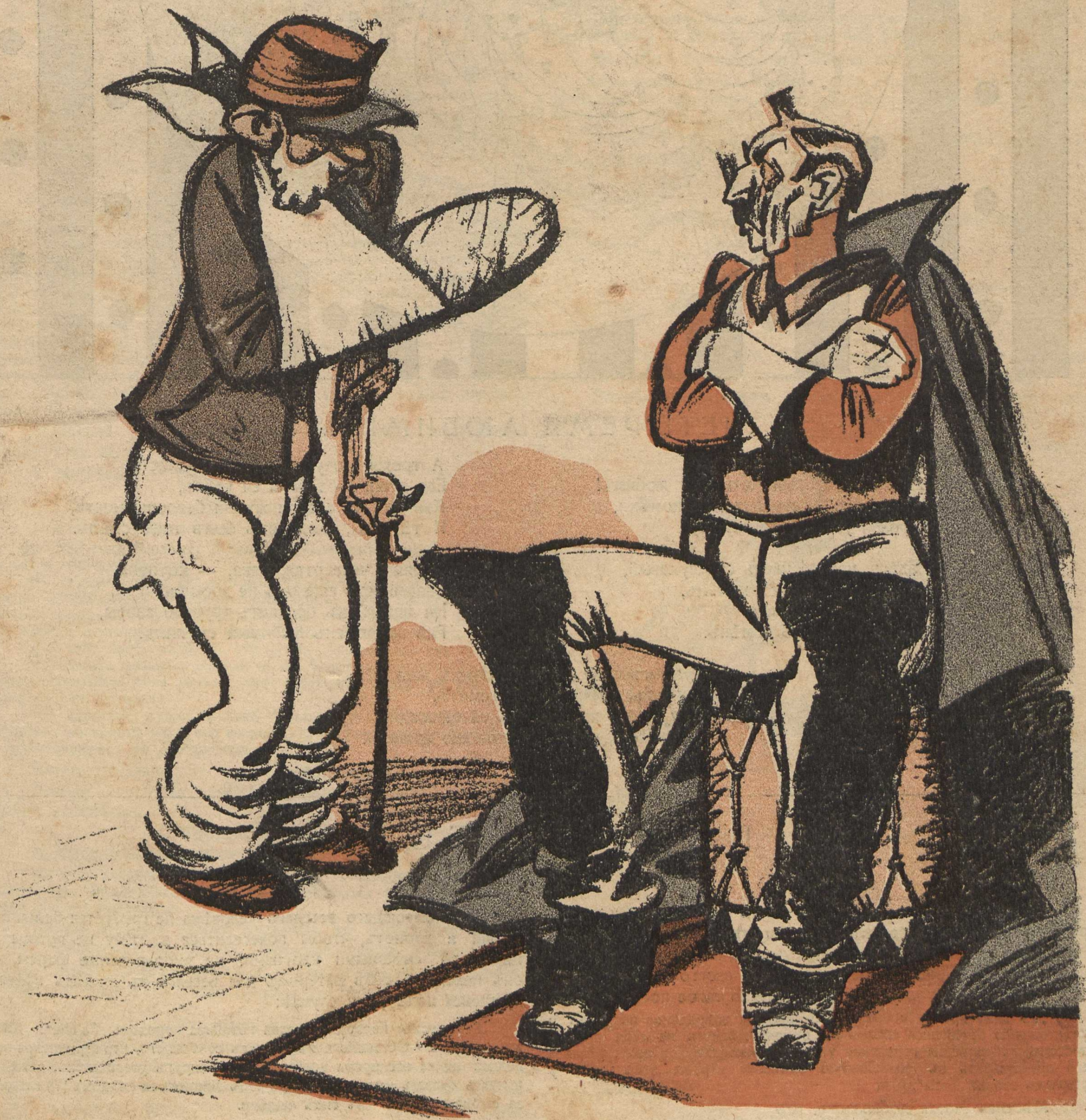
ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 15

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
9 АПРѢЛЯ.

Рис. Ре-ми.

ПОЧТИ НАПОЛЕОНЪ.

Францъ-Иосифъ: — Вилли, Вилли! Меня бьютъ! Заступайся за меня! Что же ты сидишь, сложа руки?!.
Вильгельмъ Гогенцоллернъ: — Что жъ, что сложа руки... Зато, я сложилъ ихъ по-наполеоновски!..

ЧЕТЫРЕМЯ ЛЮБИМЫЙ.

О, сколь судьба взыскуетъ за утѣхи
Съ счастливцевъ, который четырема любимъ!
Хоть нѣжна страсть не строить имъ помѣхи,
Но тяжкій рокъ, увы, неотвратимъ.

Пока онъ здѣсь, нескромникъ сей лукавый,
Не хочетъ снять Аспазію съ колѣнъ,
Уже другая местію кровавой
Ему грозить за злую изъ измѣнъ.

Ахъ, но къ чему мечтаній этихъ жажда?..
Ея супругъ, ворчливый бегемотъ,
Рапиру взявъ, промолвилъ ей однажды:
— Когда придетъ — я проколю животъ!

А третія, почувши, что хладность
Его души — теперь ея удѣлъ,
Клянеть въ саду и жизни безпощадность,
И тѣ часы, когда онъ былъ такъ смѣлъ.

И лишь четвертая, одна, — которой
Взаимности еще онъ не достигъ,
На медальонъ бросаетъ грустно взоры,
Гдѣ заключенъ любимый ею ликъ.

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Быть.

Въ какой-то восточной сказкѣ одинъ богдыханъ для точной регистраціи нищихъ велѣлъ принести ихъ срѣзанныя головы. Хабаровскіе жители всецѣло примыкаютъ къ такой рациональной постановкѣ вопроса объ улучшеніи своего быта.

Хабаровская управа вынесла недавно такое постановленіе:

„Въ виду крайне небрежнаго отношенія подрядчика по ловлѣ и уничтоженію бродячихъ собакъ къ принятымъ имъ на себя обязанностямъ, хабаровская городская управа, въ видахъ контроля, обязала его представлять въ ревизіонную комиссію управы отрѣзанные у убитыхъ собакъ носы“.

Мѣстная газета добавляетъ, что

„Недавно подрядчикомъ представлено въ ревизіонную комиссію 473 собачьихъ носа“.

Интересно, какъ смотрятъ хабаровцы на отрѣзыванье собачьихъ носовъ: считается ли это печальной необходимостью, дѣлается ли это съ педагогическими цѣлями для подрастающаго поколѣнія, или этотъ красивый обычай введенъ, какъ праздничное развлеченіе для неимущихъ?

Веселая нація.

Для настоящаго веселаго человѣка не требуется большихъ усилій и хлопотъ, чтобы повеселиться... Ему не нужны ни цирки со смѣшными клоунами, ни уморительные фарсы, — онъ находитъ себѣ матеріаль для веселья въ любомъ подвернувшемся подъ руку случаѣ:

Германская подводная лодка потопила пароходъ „Faloba“. Капитанъ погибъ. Оставшіеся въ живыхъ сообщаютъ, что германская подводная лодка все время крейсировала вокругъ утопавшихъ, даже не пытаясь оказать имъ помощь, при чемъ экипажъ со смѣхомъ (?) слѣдилъ за выбивавшимися изъ силъ людьми.

— Ну, и уморюшка была! — будетъ рассказывать потомъ нѣмецкій морякъ, сидя съ пріятелемъ за кружкой пива. — Сначала стали они въ воду прыгать, а потомъ къ намъ поплыли. Такъ этотъ весельчакъ Гансъ ихъ весломъ по головамъ ка-акъ долбанетъ! Мы прямо за животики держались отъ хохота... Хрипятъ, отплеваются, глаза вытаращены и изъ головы кровь. Прямо чистая комедія!..

Невеселое.

Интересно: — веселились нѣмцы или нѣтъ въ другомъ случаѣ, такъ сказать, „внутренняго характера“?

Передъ наступленіемъ Пасхи, когда вся Германія привыкла печь особые куличи, издано распоряженіе, запрещающее не только булочнымъ, но и частнымъ хозяйствамъ изготовлять какіе бы то ни было куличи изъ бисквитной муки и дрождей. Нарушеніе этого запрещенія влечетъ за собой заключеніе въ тюрьму на сроки до полугода.

Чтобы утѣшить огорченныхъ въ этомъ случаѣ хозяекъ, берлинскія газеты совѣтуютъ, взаимнѣ цвѣтовъ, обсаживать балконы тыквой, огурцами, салатомъ и другими овощами.

Такимъ образомъ, вмѣсто балкона получится маленькій этакій, забавный огородикъ.

А чтобы птицы не клевали овощей — надо разставить посреди огорода семью Гогенцоллерновъ съ растопыренными руками и въ смятыхъ цилиндрахъ на головахъ...

Новый хлѣбъ.

Изъ шведскихъ газетъ:

Австрійцы угощаютъ своихъ солдатъ какими-то новоизобрѣтенными кирпичами, именуемыми „прессованнымъ хлѣбомъ“. Хлѣбъ этотъ готовится такимъ образомъ: легкое, перебродившее тѣсто разрѣзывается особыми машинами на куски, которые помѣщаются въ плотно закупоренныя металлическія формы. Ихъ помѣщаютъ въ горячую печь. Отъ броженія и жара тѣсто расширяется и спрессовывается въ камень, котораго нельзя назвать ни хлѣбомъ, ни сухаремъ, а ѣсть можетъ только собака.

Если вся цѣль изготовленія такого хлѣба заключается только въ томъ, чтобы его не ѣли, то это можно сдѣлать проще: намѣшать песку, глины, положить вмѣсто изюму окурковъ и подавать на столъ холоднымъ. Ясно, что такой хлѣбъ будетъ застрахованъ даже отъ собакъ, ибо ни одна собака его не тронетъ.

Страна суррогатовъ.

По рецепту такого прессованнаго хлѣба нѣмцы рѣшили строить и подводныя лодки:

Капитаны голландскихъ рыболовныхъ судовъ доносятъ портовымъ властямъ, что въ настоящее время имъ приходится постоянно встрѣчать въ морѣ какіе-то плавающие предметы, чрезвычайно похожіе издали на перископы подводныхъ лодокъ. При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это специально сфабрикованные буйки, къ которымъ прикрѣплена особая форма дерева, имѣющая сходство съ высовывающимся изъ воды перископомъ подводной лодки. Германцы, оказавшись, изготовили массу такихъ приборовъ и сбрасываютъ ихъ въ воду, гдѣ, плавая по теченію, они разносятся по всему пространству моря. Расчетъ состоитъ въ томъ, чтобы этимъ приемомъ наводить панику на встрѣчныя суда.

Подобный „нѣмецкій подводный флотъ“ безстрашно крейсируетъ во всѣхъ моряхъ.

А настоящій — сидитъ въ Килѣ.

Допотопное.

„Figaro“ вспоминаетъ:

Въ 1453 году Магомету II пришлось потратить пятьдесятъ три дня на осаду Константинополя.

Въ то время тоже существовала тяжелая артиллерія, правда, довольно своеобразная. У турокъ, напримѣръ, была изобрѣтенная какимъ-то венгромъ „чудовищная“ пушка, стрѣлявшая на разстояніи 700 сажень и выбрасывавшая ядра вѣсомъ въ 600 фунтовъ.

Для того, чтобы зарядить эту пушку, требовалось два часа.

Пятьдесятъ воловъ подвезли ее къ Константинополю. Гулъ отъ перваго выстрѣла былъ таковъ, что населеніе города въ ужасѣ попряталось по церквамъ.

Но гигантская пушка дѣлала больше шума, чѣмъ вреда. Выстрѣливъ нѣсколько разъ, она взорвалась, убивъ стоявшаго подлѣ нея и любовавшагося ею изобрѣтателя.

Давно это было...

Теперь союзники берутъ Константинополь нѣсколько инымъ способомъ.

Крутыя времена.

Австрійцамъ приходится затягивать животь потуже:

Въ виду сильнаго недостатка въ мясѣ и пищевыхъ продуктахъ императоръ Францъ-Иосифъ приказалъ перебить въ зоологическомъ саду Шенбрунна звѣрей.

Теперь остается только посадить въ опустѣвшія клѣтки тѣхъ германскихъ офицеровъ, которые, пытая плѣннаго русскаго унтеръ-офицера Панасюка, отрѣзали ему носъ и уши, — и зоологическій садъ снова будетъ восстановленъ.

Но таетъ воскъ...

Недалеко то время, когда германское правительство запретило безцѣльно уничтожать мухъ, а издастъ, наоборотъ, приказъ разводивъ ихъ и затѣмъ варить для пропитанія нѣмцевъ мушиную кашу съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ: „мухень-кухень.“

Ибо — таетъ воскъ, таетъ воскъ, и все болѣе и болѣе мельчаютъ приказы, связанные съ экономіей...

Вотъ, что написано чернымъ по бѣлому въ шведскихъ газетахъ:

Берлинской полиціи отдано распоряженіе о томъ, чтобы моторы всѣхъ автомобилей при остановкахъ, для сбереженія топлива, выключались изъ дѣйствія.

Слѣдующій приказъ: не чистить бензиномъ запятнанныхъ штановъ и жилетовъ — ожидается на-дняхъ.

Вода на мельницу.

Говорятъ, что ужъ если не повезетъ, то родная жена измѣнить можетъ:

Плѣнные 21-го германскаго корпуса, захваченные нами въ Сувалкской губерніи, обнаруживаютъ глубокой упадокъ духа.

Между прочимъ, они показываютъ, что старыхъ солдатъ въ полкахъ почти не осталось, а пришедшіе въ пополненіе состоятъ изъ почти не обученныхъ новобранцевъ; они до такой степени не умѣютъ обращаться съ винтовкой, что съ ними опасно драться рядомъ. Въ 174 полку неловкій новобранецъ въ бою нечаянно застрѣлил своего офицера.

Тутъ являются два вопроса:

Неловкій ли? Нечаянно ли?

Въ минорѣ.

Послѣдніе, полученные изъ скандинавскихъ странъ, отзывы германской печати о Россіи и русской арміи весьма знаменательны, какъ показатель нѣкотораго отрезвленія.

Такъ, помимо оффиознаго „Lokal Anzeiger“, мнѣніе котораго о русской арміи было вчера опубликовано, „Франкфуртская Газета“ пишетъ:

„Мы хорошо знали нашего противника (Россію), но только теперь оцѣнили по достоинству его высокія боевыя качества“.

На опытѣ оно, конечно, всегда виднѣе...

„Берлинская газета“ пишетъ: „Всѣ героическія усилія нашихъ армій еще не сокрушили русской мощи... Мы должны терпѣливо ждать и не терять хладнокровія“.

Потеряно почти все. Но хладнокровіе, очевидно, осталось. Это не такъ много.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Въ „Саратовск. Вѣстникѣ“ находимъ публикацію:

РАСПРОДАЖА!

Небывало дешево!

По случаю крупной кражи назначена на одинъ мѣсяць въ ювелирно-часовомъ магазинѣ „Альфа и Омега“.

Все дѣло, очевидно, поставлено на такую ногу, что покупатели должны благословлять всякую крупную кражу.

Впрочемъ, магазинъ сообщаетъ немного неясно: кто укралъ? у кого укралъ?

Рис. Ре-ми.

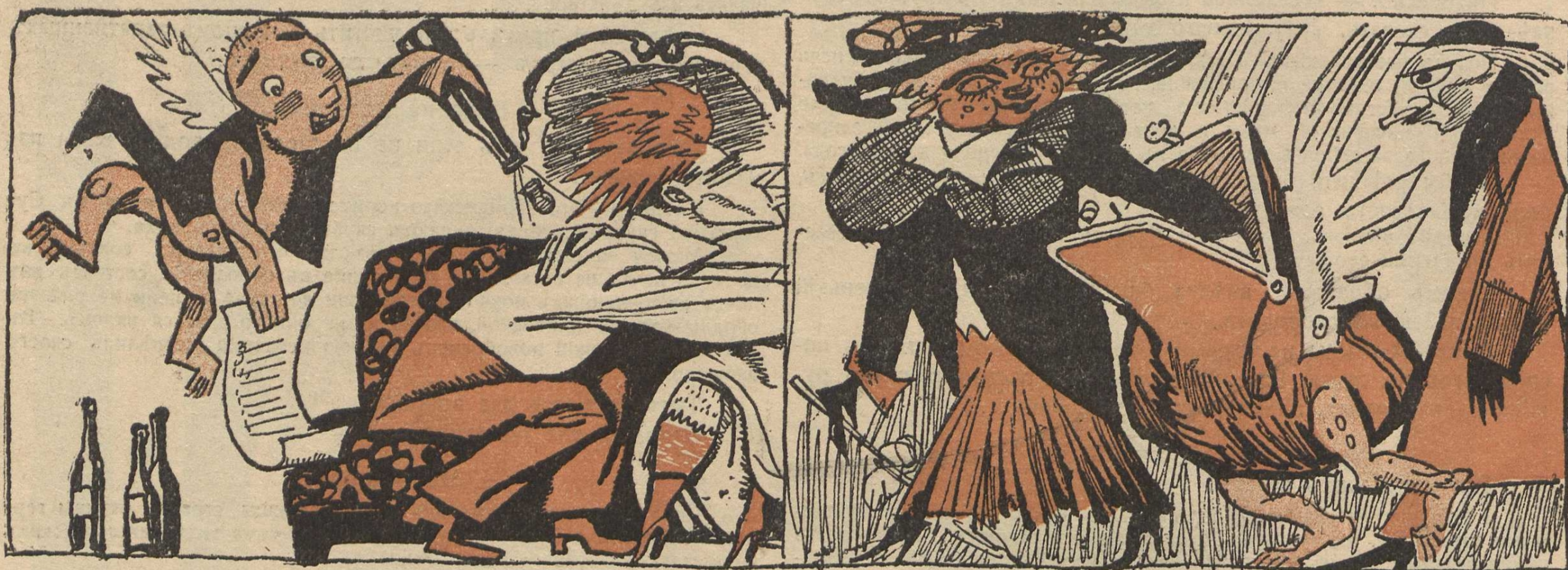

ХЛѢБЪ ПРУССКАГО ОБРАЗЦА.

— Генераль! Я убѣдился, что русскіе горожане питаются такимъ же военнымъ хлѣбомъ Ка-ка, какъ и мы, нѣмцы.

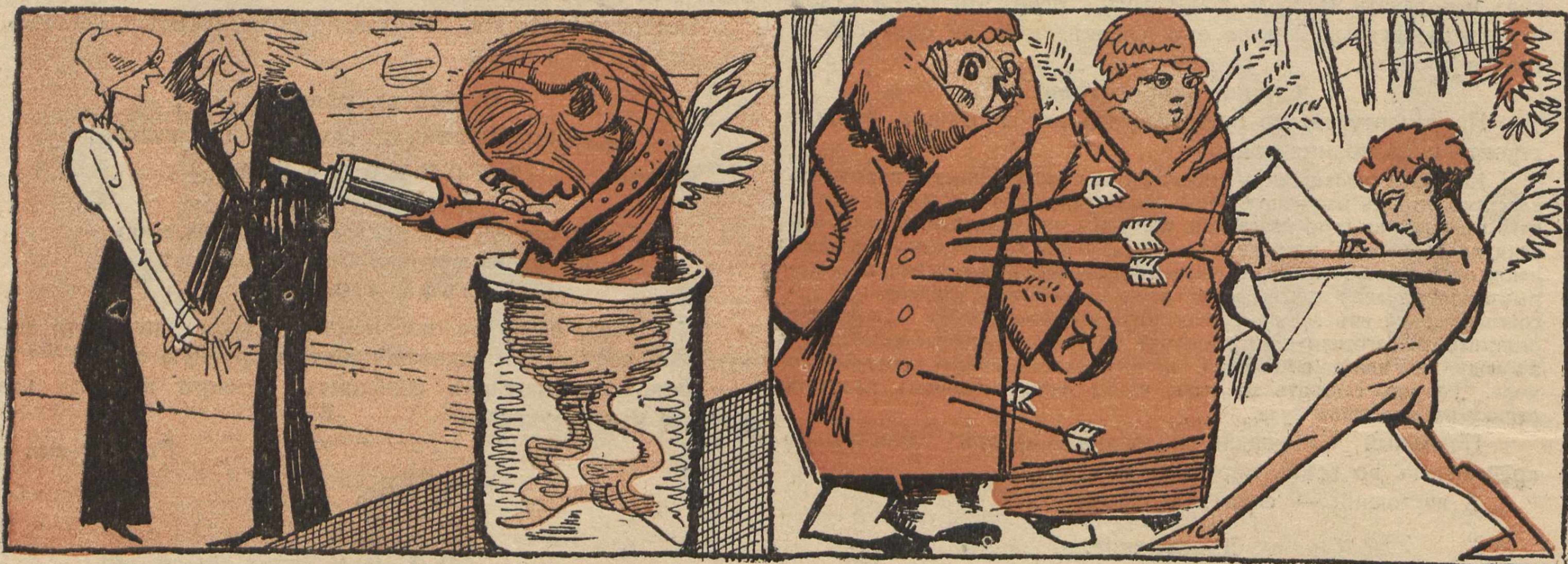
— Почему вы это думаете?

— А мои солдаты сейчасъ взяли въ плѣнъ городской обозъ, и оня, представьте, оказался ассенизационнымъ!!!

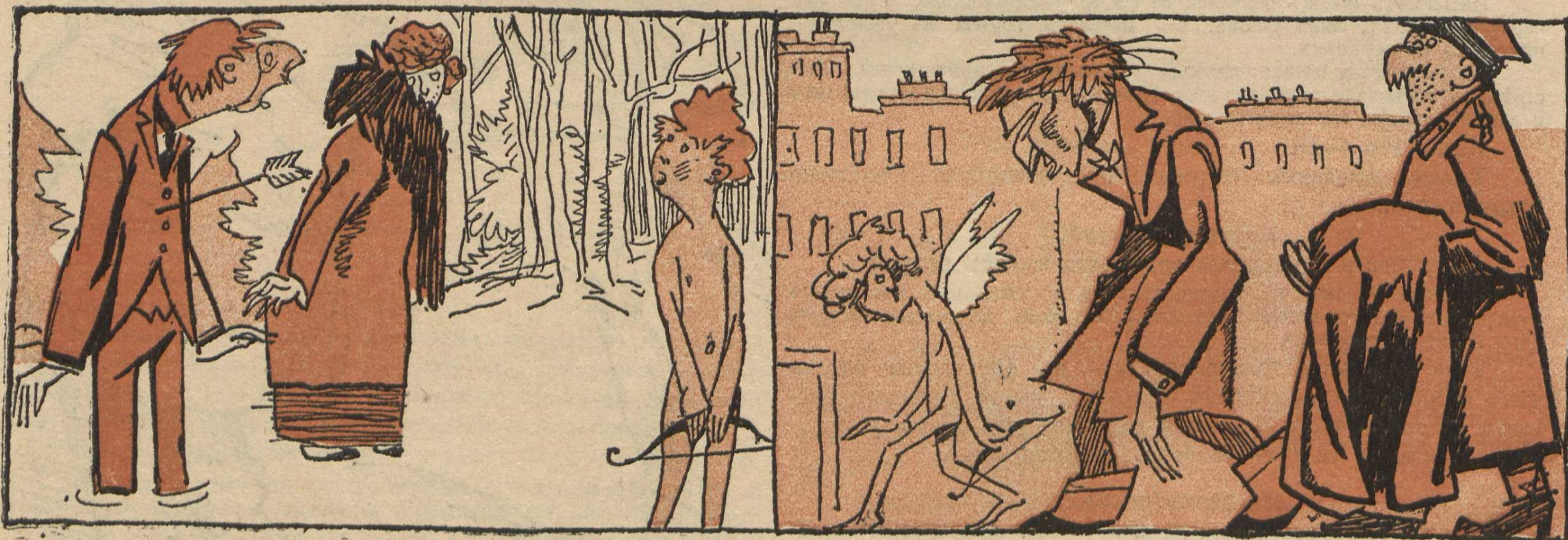
Весна, весна, настоящих амуров творящая, тебѣ привѣтъ!
Отнынѣ забуду я амуровъ отдѣльных кабинетовъ, пахнущихъ мар-
гариномъ, разящихъ стрѣлами, сдѣланными изъ счетовъ.....

И тебя забуду, подлый амуръ Невского проспекта, стрѣлы котораго
сдѣланы изъ трехрублевокъ, и раны котораго съ такимъ трудомъ за-
лѣчиваются. Увы мнѣ!... Въ гнусномъ туманѣ осени, въ сумракѣ
зимы, ты иногда служилъ мнѣ.

И тебя, худосочный амуръ людей анализа и науки, людей, пе-
редъ поцѣлуемъ вытирающихъ губы карболкой, любовь которыхъ
пропорциональна принятымъ лѣкарствамъ, и тебя покидаю я.

Я пойду за городъ, гдѣ воздухъ не пахнетъ духами кокотокъ,
пойду съ той, которую люблю больше жизни, которая такъ тонко
чувствуетъ искусство и природу, пойду къ тебѣ, настоящій Амуръ
Весны...

— Не боюсь я простуды, снимаю шубу — жажу раны амура
прямо въ сердце!! А ты, дорогая, развѣ не снимешь?!

— Боже мой! Какъ ты посинѣлъ! Фу, осмѣлились посинѣть
передо мной, признающей только красные тона!... Стыдитесь! Про-
щайте!

Черезъ два дня я читалъ: „За жестокое обращеніе съ ребен-
комъ поэтъ Риёмовъ привлекается къ суду. Снявъ съ ребенка шубу
и раздѣвъ его догола, этотъ злодѣй хотѣлъ...“ Слезы не дали
мнѣ дочитать до конца.

МАЛЬЧИКЪ ИЗЪ УБОРНОЙ.

Тщедушный, худенькій, невзрачный —
Онъ при уборной въ кабакъ
Вдыхаетъ воздухъ амміачный
И вянетъ съ щеткою въ рукъ.

Порой подвыпившіе гости
Ему швыряютъ пятаки,
А онъ покорно и безъ злости
Стираетъ съ пола ихъ плевки.

Свѣтъ электрической, холодной
Струится ровно изъ рожковъ,
И шумъ въ трубъ водопроводной
Похожъ на ропотъ мертвецовъ.

Окошекъ нѣтъ; четыре стѣнки,
Межъ нихъ ребенокъ заключенъ:
Костлявы пальцы и колѣнки,
И взоръ его огня лишенъ.

Прими же, Городъ, безъ упрека
Стихи безрадостные въ даръ,
За то, что ты рукой жестокой
Загналъ ребенка въ писсуаръ!

Александръ Тиняковъ.

АНЕКДОТЪ.

Когда играете въ двадцать одно, и если въ колодѣ есть мелкія карты, — къ восемнадцати можно совершенно свободно прикупать. Я, по крайней мѣрѣ, всегда прикупаю. Когда я вчера у Мамониныхъ собирался рискнуть такимъ приемомъ тремя рублями, ко мнѣ подошелъ Васенька Пикнусовъ, остановился сзади и потрогалъ за плечо.

— Ну?

— Есть анекдотъ, — подмигивая, сказалъ онъ. — Сегодня утромъ слышалъ...

— Сейчасъ, Васенька. Пожалуйста... У меня девятнадцать... Ваши двадцать.

Три рубля слабо улыбнулись и ушли къ моему сосѣду. Я отдался во власть Васеньки.

— Приходитъ одинъ купецъ въ трактиръ, — захлебываясь отъ возможности удивить меня, рассказывалъ Васенька, — видитъ: виситъ канарейка... «Сколько стоитъ?» — Двадцать рублей. «Зажарьте». Зажарили. А купецъ, знаете, посмотрѣлъ и говоритъ...

— «Отрѣжьте на пять копеекъ?» Такъ да?

— Знаете? — обиженно опросилъ Васенька, — могли бы сказать...

— Да у анекдота-то бородача до земли... Сѣдая, Васенька... Его еще Юна въ китовомъ животѣ выдумалъ...

— Многие и такого не знаютъ.

— Да вы не обижайтесь, Васенька...

— Я ничего. Вы все знаете. Откуда это только, удивляюсь...

Васенька отошелъ отъ меня и заговорилъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ въ визиткѣ и со сверкающимъ приборомъ.

Молодой человѣкъ вѣжливо слушалъ и кивалъ головой. Въ одномъ мѣстѣ онъ прервалъ Васеньку и улыбнулся. Тотъ обиженно посмотрѣлъ въ сторону и отошелъ. Но, судя по тому, что молодой человѣкъ сталъ искать кого-то глазами, я понялъ, что Васенькинъ ядъ началъ дѣйствовать.

Черезъ полчаса за чаемъ молодой человѣкъ, котораго звали Соломономъ Абрамовичемъ, подавая мнѣ варенье, сказалъ, что ему очень скучно.

— Да, знаете, немного...

— Мнѣ, между прочимъ, третьяго дня анекдотъ рассказывали одинъ еврейскій... Вы не любитель?

— Мерси, ничего...

— Приходитъ Шепшелевичъ въ ресторанъ... Видитъ: виситъ щука... То-есть не виситъ, а въ аквариумѣ виситъ... Однимъ словомъ — плаваетъ. «Сколько стоитъ?» Двадцать пять рублей. «Двадцать? Нафаршируйте. Только съ чеснокомъ». Нафаршировали. «Отрѣжьте мнѣ на двадцать пять копеекъ».

— Ага... Да... Это тово... Въ ресторанахъ это часто...

Соломонъ Абрамовичъ круто замолчалъ и, помѣшавъ ложечкой чай, заговорилъ съ сосѣдомъ слѣва. За общимъ шумомъ мнѣ не было слышно ихъ разговора. Съ сосѣдомъ его я знакомъ не былъ; говорили, что онъ начинающій писатель.

Въ наше время это не наталкиваетъ на желаніе познакомиться.

Онъ наклонился къ Соломону Абрамовичу и слушалъ, что тотъ говорилъ. Въ серединѣ рассказа онъ вдругъ весь всколыхнулся отъ радостнаго смѣха и замахалъ руками.

— Знаю, знаю... А потомъ говоритъ ему...

За ужиномъ пришлось познакомиться и съ начинающимъ писателемъ?

— Пишете? — спросилъ онъ.

— Пишу. Мерси.

— Я тоже. Вчера у меня романъ приняли. Да! Въ редакціи мнѣ, между прочимъ, Леонидъ Андреевъ рассказывалъ: Приѣзжаетъ онъ на моторѣ въ шантанъ. Входитъ въ зало. Видитъ: въ аквариумѣ лошадь. Что это я!.. Не въ аквариумѣ, а такъ... виситъ. Даже не виситъ, а такъ, у подѣзда. «Хотѣлъ бы я попробовать конины, — говоритъ Андреевъ. — Сколько стоитъ эта лошадь?» — Триста рублей. «Зажарьте». Тѣ удивились, но все-таки зажарили. «Готово-съ, господинъ Андреевъ». «А, ну-ка, — отвѣчаетъ мастистый писатель, — отрѣжьте мнѣ на три съ полтиной»...

— Ахъ, да... Чудаки эти писатели... Да...

Начинающій неудовлетворенно посмотрѣлъ на меня и подъ видомъ раздобыванія коньяка засѣлъ на другомъ концѣ стола. Вскорѣ у него завязалась бесѣда съ какимъ-то лысымъ господиномъ, надождавшимъ своимъ сосѣдямъ долгой и вязкой передачей утреннихъ телеграммъ о войнѣ, которыя всѣ читали въ положенное на это время. Сосѣди вздохнули свободно, а человѣкъ, передававшій телеграммы и требовавшій общаго согласія съ его взглядомъ на превосходство минной борьбы предъ сапой, внимательно слушалъ начинающаго писателя.

Послѣдняго, повидимому, не удовлетворилъ и этотъ слушатель. Онъ сердито отодвинулъ стулъ и цинично схватился за полную бутылку бѣлаго вина...

Передъ уходомъ, человѣкъ съ военными темами нагналъ меня, около передней и беспомощно развелъ руками.

— Ну, вотъ хоть убейте, не пойму ихъ логики...

— Чьей?

— Да вотъ нѣмецкой... Ну, что они тамъ думаютъ? Хорошій десятокъ минъ...

— Ну, какъ же, вѣдь тамъ Жоффрѣ... Все-таки такой полководецъ...

— Кстати, о Жоффрѣ... Вы слышали новый анекдотъ?.. Приѣзжаетъ разъ Жоффрѣ, будучи еще ротмистромъ на броненосцѣ, въ Кулькутту. Видитъ: идетъ слонъ. «Зажарьте, говоритъ, на рубль, а потомъ»... Нѣтъ сначала «отрѣжьте», говоритъ... Да, да вотъ какъ... Идетъ и видитъ слона... «Сколько стоитъ?»

— «Зажарьте, а потомъ отрѣжьте на рубль». Такъ кажется?

— Вы знаете? Странно, странно...

Когда я уже выходилъ, хозяйка мнѣ навязала какую-то даму.

— Что я съ ней долженъ дѣлать? — уныло спросилъ я.

— Проводите... Вы такой милый...

Очевидно, это — очень не хорошее качество моего характера; дама мнѣ досталась скучная, сонная и живущая за четыре версты.

— Таеъ ужъ... Настоящая весна...

— Весна... Да... Такъ всегда...

— Потомъ лѣто будетъ...

— Ага... да... лѣто... да...

Я затаилъ душевную боль и, чувствуя въ сердцѣ тяжесть четырехъ верствъ, махнулъ рукой на совѣсть.

— А со мной случай былъ, — хмуро сказалъ я, — захожу я недавно въ ресторанъ, вижу: канарейка виситъ. «Почемъ — говорю?» Сто рублей. «Зажарьте».

— Кого? Канарейку?

— Канарейку.

— А зачѣмъ это вы?

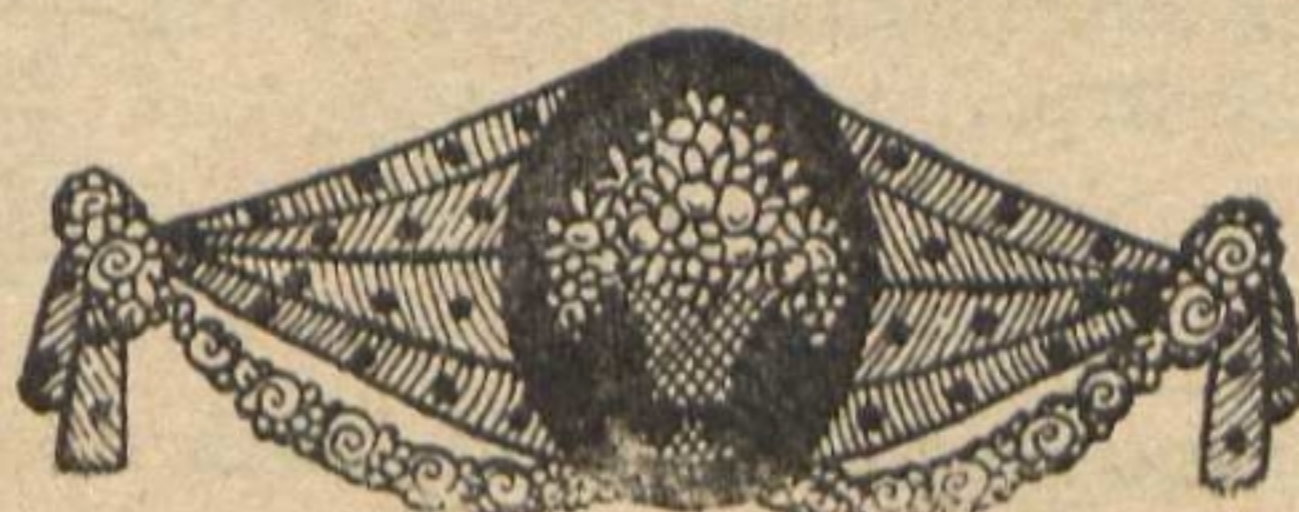
— А такъ. Скучно что-то было.

— Ну, и что же?

— Зажарили... А я и говорю: «отрѣжьте-ка мнѣ...»

Когда на подѣздѣ своего дома дама сказала, что я неисправимый весельчакъ и что со мной цѣлый день не проскачешь, я понялъ, что Васенька иногда бываетъ правъ... Больше я не смѣюсь надъ его анекдотами.

Арк. Буховъ.

ВОЙНА.

I.

Защитная рубаха.

Годъ назадъ плѣняль тебя Ростань.
Тонкій стихъ смѣнили фуги Баха.
А теперь зеленая рубаха
Облекаетъ твой покорный стань.
На плечѣ — поломанный погонь,
На груди — у скатки стынуть складки,
На тебѣ — полотнище палатки,
За тобою — воинскій вагонь.
Скоро-скоро колоколь большой
Запоеть своимъ послѣднимъ звономъ...
Я пойду тихонько за вагономъ
Съ омертвѣлой, каменной душой.
Да минуютъ адовы врата
Всѣхъ, кто носить сѣрую папаху!
Защити защитную рубаху,
Господи, Владыко живота!

Влад. Воиновъ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

На углу улицы встрѣчаются двое мужчинъ — одинъ въ „штатскомъ“, другой въ студенческой формѣ; оба пристально вглядываются другъ въ друга и проходятъ, затѣмъ разомъ оборачиваются, опять всматриваются; лица озаряются улыбкою; дѣлаютъ другъ къ другу движеніе, и студентъ восклицаетъ:

— Кажется, знакомый?..

— Кажется...

Пожимаютъ руки.

— Ну, какъ?

— Ничего. А вы?

— Тоже. Что новаго?

— Почти ничего. А у васъ?

— Да такъ же... Ну, а вы гдѣ теперь?

— Все тамъ же.

— Гдѣ?

— Гдѣ и раньше...

Молчатъ.

Штатскій:

— А какъ поживаетъ Лидія Петровна?

— Лидія Петровна?!.. Гм... Ничего, попрыгиваетъ...

— И влюбляется? Хе-хе...

— Да. А вы не встрѣчаете Юлію?

— Юлію?! Какую Юлію?

— Какъ, какую? Точно забылъ... Самъ же носился съ нею,

всѣмъ надоѣлъ: Юлія да Юлія...

— Юлію... Гм... Нѣтъ... Да... рѣдко...

— Ну, какъ она?

— Да ничего, скачетъ...

Молчатъ.

Штатскій:

— Что-то вы измѣнились? Похудѣлъ... волосами обросъ...

— Напротивъ: поправился и бороду постригъ. Помните, какая она была у меня? Во-отъ...

Молчатъ.

Студентъ:

— Куда вы сейчасъ?

— Бѣгу... — спохватившись: — Ахъ, вѣдь я спѣшу... Прощайте.

— До свиданія. Заходите.

— А гдѣ вы?

— На Троицкой.

— Забѣгу. А то заходите ко мнѣ. Я на старой квартирѣ.

— Что жъ, можно? А гдѣ это?

— Спасская, 9.

— Обязательно приду.

— Ну, прощайте. Некогда.

Пожимаютъ руки и расходятся. Потомъ штатскій оборачивается и кричитъ:

— Послушайте! Эй, подождите!..

Подходить.

— Простите, я забылъ что-то вашу фамилію...

— Петровъ.

— Петровъ?!

— Да. А ваша? Я тоже что-то плохо припоминаю.

— Моя — Ивановъ.

— Ка-акъ? Ивановъ?!

— Да.

— Гм... Странно... Ну, да ладно... До свиданія!

— Всего хорошаго.

Расходятся.

И. Хайнъ.

ОЧЕВИДЕЦЪ.

Посвящаю съ великимъ уваженіемъ Я. О., В. Б. и еще нѣкоторымъ авторамъ „военныхъ разсказовъ“.

Онъ сидѣлъ вонъ тамъ, передо мною,
Наклонившись чуточку ко мнѣ,
И, давясь обильною слюною,
Говорилъ о нынѣшней войнѣ:
— «Чемоданы? Знаемъ. Испытали.
Цѣлый рядъ ихъ видѣлъ нашъ отрядъ.
Снизу — пули; сверху много стали;
Двѣ недѣли около свистали,
Разсыпая смертоносный градъ.
Съ виду — такъ, конической снарядъ,
Но осколки сыплеть по спирали.
По спирали! Поняли? Иль нѣтъ?
Это — нѣво! Крупновскій секретъ!
А потомъ пошли «гусары смерти»,
Это — штучка, я вамъ доложу!
Съ превеликой склонностью къ ножу,
На окопы лѣзутъ, словно черти!
Вотъ хотите — вѣрьте иль не вѣрьте,
Шапки — мѣхъ и кожа сапажу;
Хлѣба нѣтъ — откормлены на дѣрти;
Все мечтаютъ о Балтійскомъ Дерптѣ!
Ну, да я еще имъ покажу!»
Я молчалъ, глядѣлъ куда-то мимо,
И досадно было мнѣ вдвойнѣ:
Вѣдь, мерзавецъ, не былъ на войнѣ,
А сопить и вретъ неутомимо.

Онъ ушелъ, трягнувши головой.
Я же думалъ: Вотъ такъ индивидуецъ!
Не о немъ ли сказано молвой:
Этотъ сударь вретъ, какъ очевидецъ!

Владиміръ Воиновъ.

NARCOTICA.

— Дѣло не въ алкогольѣ, а въ человѣкѣ... Я тебя еще въ пеленкахъ помню: мрачный былъ ребенокъ... Надо, голубчикъ, радостно смотрѣть на жизнь и надо при-спо-собляться... Была водка, пили; не стало, туда ей и дорога. Другое что-нибудь придумай! Я вотъ придумалъ: какъ только изъяли водку изъ перворазрядныхъ, я немедленно перешелъ на кокаинъ. Пробовалъ когда-нибудь?

— Пробовалъ: вчера мнѣ зубъ вырвали безъ кокаина. Я чуть по мордѣ не далъ дантисту... Кокаина нѣтъ въ продажѣ...

— Знаю, знаю... Я уже вторую недѣлю впрыскиваю себѣ морфій. Не расстаюсь съ нимъ: вотъ въ карманѣ и морфій, и шприцъ. Наловчился: прямо черезъ жилетку закатываю...

— Морфій тоже скоро выйдетъ. Спрось большой, а подвоза нѣтъ.

— На эфиръ перейду.

— Да вѣдь его уже, кажется, нѣтъ...

— Наплевать. Веселящій газъ есть. Глотнулъ, и хохочешь, какъ идиотъ...

— Все это ненадежно: сегодня есть, а завтра...

— Согласенъ. Но вѣдь никотинъ останется?... Кури крѣпкій табакъ непрерывно, вотъ тебѣ и возбудитель...

— Это не то...

— Конечно. Но въ соответствующей обстановкѣ, въ кафе, на примѣръ, гдѣ играетъ оркестръ, гдѣ женщины... Музыка, братъ могучій возбудитель; подь музыку шутя на смерть идутъ! А женщины? Развѣ это не наркотикъ? Въ кафе, въ табачномъ дыму, за чашкой крѣпкого кофе, когда льются волнующіе звуки скрипокъ, и сверкаютъ женскіе глаза, улыбки, — можно легко забыться...

— И музыку могутъ запретить...

— Ну, знаешь...

— У насъ все возможно.

— Допустимъ... Но женщины... Женщину вѣдь не запретишь. А она и безъ музыки убаюкаетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что уже запрещаютъ кое-гдѣ: изъ Варшавы выселяютъ шансонетокъ...

— Въ первый разъ слышу...

— Ты со своимъ упрямымъ оптимизмомъ ничего не видишь и не слышишь...

— Ха-ра-шо! Женщины, «тѣ, которыя», запрещены. Но жены-то, жены, чортъ возьми, останутся, а? Законныя, вѣнчанныя жены съ обручальными кольцами на пальцахъ останутся или нѣтъ? — спрашиваю я тебя. А вѣдь жена тоже можетъ приласкать, если захочетъ. Надо только заслужить, заискать надо... Мы, анаемы, задушили въ женѣ женщину, затоптали. А ты разбуди ее, раздражи... И еще какъ приласка-а-аетъ...

— У меня нѣтъ жены...

— Такъ женись, дурья голова!..

— Жениться? Ха-ха!.. Воображаю свадьбу, на которой съ идиотскими улыбками пьютъ куваку... Нѣтъ, братъ, поздно... Ничего не осталось въ жизни свѣтлаго. Туманъ, сѣрый заборъ ползетъ на насъ. Вотъ подползетъ совсѣмъ близко, упадешь подъ этотъ заборъ и околѣешь.

— Такъ-съ... А я вотъ еще одно возбуждающее открылъ. Это ты! Ты сильно меня возбудилъ сегодня. Я чувствую сейчасъ чудовищное раздраженіе... И если ты сію же минуту не перестанешь ныть, я не ручаюсь, что не ударю тебя этой вотъ бутылкой изъ-подъ Эссенуки № 20... Вонъ, негодяй!!

В. Черній.

БОГОМОЛКА.

Въ черненькой косынкѣ, въ кофточкѣ бордовой, Богомолка въ кухнѣ пьетъ душистый чай...

Дѣвушкѣ, съ глазами тайны васильковой, Знавшей только сѣверъ, только лѣсъ сосновый, Говоритъ про мирты, про восточный край...

Гимназистъ-подростокъ жадными глазами

Ищетъ въ ней обиды жгучую печаль,

А она простыми говоритъ словами,

И ему обидно и чего-то жаль...

Вотъ опять замолкла... Сахару отгрызла,

Чай остывшій съ блюдца выпила за разъ...

Снова наливаетъ и, вздохнувши кисло,

Тихо продолжаетъ прерванный разговоръ...

— «Нехристи, извѣстно... обобрали чисто,

Матери Казанской я въ душѣ молось...

Ну, и говорю имъ: «Что во мнѣ корысти?

Для гиремовъ вашихъ я ужъ не гожусь!..»

Ущипнулъ одинъ тутъ за бокъ, — ну, стерпѣла,

А другой облапилъ, словно оргутанъ,

Тутъ уже душа моя огнемъ вскипѣла —

«Ахъ ты», говорю, мазурикъ, фулиганъ!..

Ржутъ башибузуки черныя, какъ сажа...

Насъ во дворъ согнали — не найти угла...

Вечеромъ я все же, хоть стояла стража,

Съ докторшей московской кофій попила...

А потомъ, какъ гнали насъ до парохода, —

Раненыхъ въ повозкахъ все пришлось встрѣчать,

У мечети ихней тьма сошлась народу,

Вынули кинжалы и давай кричать...

Подлинно я лопотъ ихъ не разобрала,

Только, видно, хлѣстко, въ мерзости своей,

Поминали черта... Дальше — я ужъ драла!

Слышу, про меня кричатъ: «Эй, Вѣру бей!»

Дѣвушка послѣднихъ словъ уже не слышитъ,

Взглядъ синій, — какъ будто онъ увидѣлъ вдругъ

Край, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,

Гдѣ слагаетъ сказки ароматный югъ...

— «Ну пойду... Спасибо — попила довольно...»

Богомолка встала, вытерла стаканъ...

Гимназисту жъ видѣть отчего-то больно,

Какъ она «огрызокъ» спрятала въ карманъ!..

Сергій Михѣевъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Весьма глубокомысленное соображеніе высказываетъ „Петрогр Газета“ въ первыхъ строкахъ одной военной статьи:

„Основные правила воспитанія маленькихъ дѣтей требуютъ, чтобы ребенка, начинающаго лепетать первыя слова... обязательно приучать къ названію вещей ихъ точными, подлинными именами. Перо, на примѣръ, ребенокъ долженъ называть перомъ, а не карандашемъ (?)“.

Автомобиль не долженъ ребенокъ называть коровой.

Висѣлицу — платяной щеткой.

Отца — жуликомъ.

Стѣнные часы — молокомъ.

Все это, конечно, глубоко вѣрно, но писать объ этомъ не стоитъ.

Потому что не бываетъ такихъ глупыхъ ребятъ.

*

Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ „Нов. Сат.“ мы сообщали о кинематографической лентѣ „Петербургскія трущобы“, при чемъ герои этого романа-передѣлки безо всякаго зазрѣнія совѣсти развѣзжаютъ на... автомобиль.

Тогда же мы позволили себѣ пошутить, что въ такомъ случаѣ умѣстнѣе назвать этотъ романъ-ленту „Петроградскими трущобами“.

И что же! Московскій „Художественный электро-театръ“ вывѣсилъ недавно огромныя афиши, что въ скоромъ времени будетъ демонстрироваться грандіозная кино-драма „Петроградскія трущобы“.

Вотъ и шути послѣ этого...

*

В. Унковскій въ „Петрогр. Курьерѣ“ передаетъ разговоръ одного солдата. Если бы онъ не былъ названъ „молоденькимъ безусымъ солдатикомъ съ пѣвучимъ голосомъ“, можно было бы подумать, что это разговариваетъ присяжный повѣренный:

„Мягень, снѣгъ, запорашиваетъ глаза. Вѣтеръ воетъ: гу-у-у... ги-и-и... га-а-а... Слово на шабашъ собрались вѣдьмы.

Вижу, нѣмецъ... цѣлится; ну, а я, само собой, въ него... Слово дуэль вамъ, право“...

Ну, думаю, послѣдняя борьба на смерть.

Можетъ быть, подумаетъ благосклонный читатель, солдатикъ и въ самомъ дѣлѣ былъ раньше присяжнымъ повѣреннымъ.

Но въ другомъ мѣстѣ этотъ же солдатикъ повѣствуетъ такимъ языкомъ:

„Промерзъ я за мое почтеніе. Кажинная минута, почитай, часомъ кажется. Постояю маленько, потомъ прохаживаюсь...“

Въ госпиталь насъ рядомъ положили.

Онъ своей маменькѣ письма писалъ, а я моимъ родителямъ на деревню. И я съ нимъ папиросками дѣлился, — у него ихъ-то не было, а курить гораздъ“.

По Унковскому эти письма въ деревню, вѣроятно, начинались такъ:

Монъ анжъ мамá!

Жэ сюи тре малядъ и вопче кажинный день споминаль о васъ, ма повръ мэръ... Но скоро, кажись, выздоравливаю, и опять значитъ битъ нѣмецъ, сапристи, тетка ихъ подкуратина!..

ГАЛОЧКА.

Разсказъ Аркадія Аверченка.

Однажды въ сумерки весенняго, кротко умираваго дня къ Иринѣ Владиміровнѣ Овраговой пришла дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, Галочка Кегичъ.

Снявъ въ передней верхнюю сѣрую кофточку и гимназическую шляпу, Галочка подергала ленту въ длинной русой косѣ, провѣрила — все ли на мѣстѣ, и бодро вошла въ неосвѣщенную комнату, гдѣ сидѣла Ирина Владиміровна.

— Гдѣ вы тутъ?

— Это кто? А! Сестра своего брата. Мы съ вами немало вѣдь знакомы. Здравствуйте, Галочка.

— Здравствуйте, Ирина Владиміровна. Вотъ вамъ письмо отъ брата. Хотите — читайте его при мнѣ, хотите — я уйду.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Посидите со мной, Галочка. Такая тоска... Я сейчасъ.

Она зажгла электрическую лампочку съ перламутровымъ абажуромъ и при свѣтѣ ея погрузилась въ чтеніе письма.

Кончила...

Рука съ письмомъ вяло, безсильно упала на колѣни, а взглядъ мертво и тускло застылъ на освѣщенномъ краешкѣ золоченой рамы на стѣнѣ:

— Итакъ, все кончено? И такъ, уходитъ?

Голова опустилась ниже.

Галочка сидѣла, затушеванная полутьмой, вытянувъ скрещенныя ножки въ лакированныхъ туфелькахъ и склонивъ голову на сложенные ладонями руки.

И вдругъ въ темнотѣ звонко, — какъ стукъ, хрустальнаго бокала о бокаль, — прозвучала ея задумчивый голосокъ:

— Удивительная эта штука — жизнь.

— Что-о-о? — вздрогнула Ирина Владиміровна.

— Я говорю: удивительная вещь — наша жизнь. Иногда бываетъ смѣшно, иногда грустно.

— Галочка! Почему вы это говорите?

— Да вотъ смотрю на васъ и говорю. Плохо вѣдь вамъ, небось, сейчасъ.

— Съ чего вы взяли?..

— Да письмо-то это — большая радость, что ли?..

— А вы развѣ... знаете... содержаніе письма?

— Не знала бы — не говорила бы.

— Развѣ Николай показывалъ вамъ?..

— Колька дуракъ. У него не хватить даже соображенія поговорить со мной, посоветоваться. Ничего онъ мнѣ не показывалъ. Я хотѣла было изъ самолюбія отказаться снести письмо, да потомъ мнѣ стало жалко Кольку. Смѣшной онъ и глупый.

— Галочка... Какая вы странная. Вамъ двѣнадцать лѣтъ, кажется, а вы говорите, какъ взрослая.

— Мнѣ, вообще, много приходится думать. За всѣхъ безпокоишься, заботишься, чтобы всѣмъ хорошо было. Вы думаете, это легко?

Взглядъ Ирины Владиміровны упалъ на прочитанное письмо, и снова низко опустилась голова.

— И вы тоже, миленькая, хороши! Нечистый дернулъ васъ потѣпаться съ этимъ осломъ Климухинымъ въ театрѣ. Очень онъ вамъ нуженъ, да? Вѣдь я знаю, вы его не любите, вы Кольку моего любите — такъ зачѣмъ же это? Вотъ все оно такъ скверно и получилось.

— Значитъ, Николай изъ-за этого... Боже, какіе пустяки! Что же здѣсь такого, если я пошла въ театрѣ съ человѣкомъ, который мнѣ нуженъ, какъ прошлогодній снѣгъ?!

— Смѣшная, вы право. Уже большой человѣкъ вы, а ничего не смыслите въ этихъ вещахъ. Когда вы говорите это мнѣ, я все понимаю, потому что умная и, кромѣ того, дѣвочка. А Колька большой глупый, ревнивый мужчина. Узналъ — вотъ и полѣзъ на стѣну. Надо бы, кажется, понять эту простую штуку...

— Однако, онъ мнѣ не пишетъ причины его разрыва со мной.

— Не пишетъ — ясно почему: изъ самолюбія. Мы, Кегичи, всѣ безумно самолюбивы.

Объ немного помолчали.

— И смѣшно мнѣ глядѣть на васъ обоихъ и досадно. Изъ-за какого рожна, спрашивается, люди себѣ кровь портятъ? Насквозь васъ вижу: любите другъ друга такъ, что ажъ чертямъ тошно. А мучите одинъ другого. Вотъ ужъ никому этого не нужно. Знаете? Выходите за Кольку замужъ. А то прямо смотрѣть на васъ тошнохонько.

— Галочка! Но вѣдь онъ пишетъ, что не любитъ меня!..

— А вы и вѣрите? Эхъ, вы. Вы обратите вниманіе: раньше у него были какія-то тамъ любовницы...

— Галочка!

— Чего тамъ «Галочка»! Я, слава Богу, уже 12 лѣтъ Галочка. Вотъ я и говорю: раньше у него было по три любовницы сразу, а теперь вы одна. И онъ все время глядитъ на васъ, какъ котъ на сало.

— Галочка!!

— Ладно тамъ. Не подумайте, пожалуйста, что я какая-нибудь испорченная дѣвчонка, а просто—я все понимаю. Толковый ребенокъ, что и говорить. Только вы Кольку больше не дразните.

— Чѣмъ же я его дразню?

— А зачѣмъ вы въ письмѣ написали о томъ художникѣ, который васъ домой съ вечера провожалъ? Кто васъ за языкъ тянулъ? Зачѣмъ? Только чтобы моего Кольку подразнить. Стыдно! А еще большая!

— Галочка!.. Откуда вы объ этомъ письмѣ знаете?!

— Прочитала.

— Неужели, Коля...

— Да, какъ же! Держите карманъ шире... Просто открыла незапертый ящикъ и прочитала...

— Галочка!!!

— Да вѣдь я не изъ простаго любопытства. Просто хочу васъ и его устроить, съ рукъ васъ хочу сплавить, просто. И прочитала, чтобы быть... какъ это говорится?.. въ курсѣ дѣль.

— Вы, можетъ быть, и это письмо прочитали?

— А какъ же! Что я вамъ — простой почтальонъ, что ли, чтобы въ темную письма носить?! Прочитала. Да вы не безпокойтесь! Я для вашей же пользы это... Вѣдь никому не разболтаю.

— А вы знаете, что чужія письма читать неблагородно?

— Начихать мнѣ на это! Что съ меня можно взять? Я маленькая. А вы большой глупышъ. Обождите, я васъ сейчасъ поцѣлую. Вотъ такъ. А теперь надѣвайте кофточку, шляпу — и маршъ къ Колькѣ. Я васъ отвезу.

— Нѣтъ, Галочка, ни за что!

— Вотъ поговорите еще у меня. Ужъ вы развѣ надѣлали глупостей, такъ молчите. А Колька сейчасъ лежитъ у себя на диванѣ носомъ внизъ и киснетъ, какъ собака. Вообразите — лежитъ и киснетъ... Вдругъ входите вы! Да вѣдь онъ захрюкаетъ отъ радости.

— Но вѣдь онъ же мнѣ написалъ, что...

— Чихать я хотѣла на его письмо. Ревнивый этотъ самый Колька, какъ чортъ. Навѣрно, и я такая же буду, какъ выросту. Ну, не разговаривайте. Одѣвайтесь. Ишь, ты! И у васъ вонъ глазки повеселѣли. Ахъ вы, мышатки мои милые!..

— Такъ я переодѣнусь только въ другое платье...

— Ни-ни! Надо, чтобы все по-домашнему было. Это уютненькое. Только снимите съ волосъ зеленую бархатку она вамъ не идетъ... Есть красная?

— Есть.

— Ну, вотъ и умница. Давайте, я вамъ приколю. Вы красивая и симпатичная... Люблю такихъ. Ну, поглядите теперь на меня... Улыбаетесь? То-то. А Колькѣ прямо, какъ прїѣдете, такъ и скажете: «Коля, ты дуракъ». Вѣдь вы съ нимъ на ты, я знаю. И цѣлуетесь уже. Развѣ видѣла. На диванчикѣ. Женитесь, ей Богу, чего тамъ.

— Галочка! Вы прямо необыкновенный ребенокъ.

— Ну, да! Скажите тоже. Такихъ ребятъ у насъ въ деревнѣ черезъ 4 года уже замужъ выдаютъ, а вы говорите: «ребенокъ»! Охо-хо!.. Уморушка съ вами. Духами немного надушитесь — у васъ хорошіе духи — и поѣдемъ. Дайте ему слово, что вы плевать хотѣли на Климухина, и скажите Колькѣ, что онъ самый лучший. Мужчины это любятъ. Готовы, сокровище мое? Ну, айда къ этой старой крысѣ — Колькѣ!

«Старая крыса», увидѣвъ вошедшую странную пару, вскочилъ съ дивана и, растерянный, со скрытымъ восторгомъ во взорѣ, бросился къ Иринѣ Владиміровнѣ.

— Вы?! У меня?.. А письмо... получили?..

— Чихать мы хотѣли на твое письмо, — засмѣялась Галочка, толкая его въ затылокъ. — Плюньте на все и берегите здоровье. Поцѣлуйте, дѣтки, а я уже смертельно устала отъ этихъ передрагъ.

Оба усѣлись рядомъ на диванѣ и, рука къ рукѣ, плечо къ плечу, прильнули другъ къ другу.

— Готово? — дѣловымъ взглядомъ окинула ихъ Галочка. — Ну, а мнѣ больше некогда возиться съ вами. У меня, дѣтки, признаться откровенно, съ ариѳметикой что-то не ладно. Пойти подзубрить, что ли. Благословляю васъ и ухожу. Колы-то изъ-за васъ мнѣ тоже, знаете, получать не расчетъ...

Аркадія Аверченка.

БОГАТЫЙ ГОЛОСЪ.

— Знаешь, милая, у меня былъ раньше баритонъ, но одинъ профессоръ пѣнія убѣдилъ меня, что я теноръ, — и что же! — теперь у меня, дѣйствительно, теноръ!

— Это что! А мой диапазонъ еще шире: вчера у меня баритонъ, сегодня басъ, завтра теноръ, а послѣзавтра нефтяной король съ Кавказа.

В Е С Н А.

БЪЛЫЯ ЛИЛИИ.

Посв. милой.

I.

Ничего отъ милой не прошу:
Ни любви, ни ласки, ни участя...
Я однимъ съ ней воздухомъ дышу.
Развѣ это не большое счастье?..

Никогда я милой не скажу,
Какъ нужны мнѣ ласка и участя...
Я въ одной съ ней комнатѣ сажу.
Развѣ это не большое счастье?..

Ни во снѣ — клянусь! — ни наяву
Я не вѣдалъ съ милой сладострастья...
Я въ одномъ съ ней городѣ живу, —
И не надо мнѣ иного счастья!..

В. Князевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Металову. — (Льсной). — Просто сѣсть за столъ и написать что-нибудь — это одно, а думать, о чемъ пишешь — другое.

Послѣднимъ условіемъ вы пренебрегаете:

„Въ комнату вбѣжалъ молодой всадникъ и, плюхнувшись въ кресло, вскричалъ...“

Вы, очевидно, полагаете, что всадникъ это — своего рода присутствующее человѣку званіе, въ родѣ купца второй гильдіи или ямбургскаго мѣщанина.

Разсказъ вашъ холодно, съ полнымъ самообладаніемъ, изорвали. М. Д. Об-ву. — Совершенно вѣрно вы замѣтили въ препроводительномъ письмѣ, что слава — дымъ.

Но за васъ мы спокойны: особенно вы никогда не надымите.

Архею Забористому. — Архей сообщаетъ намъ, что онъ „заткнетъ за поясъ всѣхъ сатириконскихъ поэтовъ“.

Сначала намъ взгрустнулось, но потомъ мы утѣшили себя тѣмъ, что ваша угроза свидѣтельствуетъ скорѣе о ширинѣ пояса, чѣмъ лба...

Sanitas'у. — Стихи, которые можно фабриковать сотнями аршинъ безо всякаго ущерба для здоровья:

„По тротуару ходитъ грачъ.
Растаялъ снѣгъ. Сверкаютъ лужи.
А на дверяхъ дощечка „врачъ“.
Уже весна. Забыты стужи.“

Какъ легко сочинять подобныя вещи:

Передо мной стихи лежать.
Напротивъ котъ грызетъ маслину.
Весна красна. Бросаю взглядъ
Я на стихи и — шваркъ въ корзину!

Написано это нами безо всякаго усилія. Вѣроятно, такъ же писали и вы.

Б. Провинція.

Полтава. — Енотовой шубѣ.

Кланяется вамъ редакторское котиковое пальто и сообщаетъ, что произведеній вашихъ оно не приняло.

Иркутскъ. — Леониду Вонави.

Одна изъ ряда вашихъ остротъ, — беремъ наудачу:

„Наши дѣти.

— Моя мама снесла яйцо.

— Развѣ она курица?

— Нѣтъ, въ ломбардѣ снесла; золотое яйцо съ брилліантами, подаренное дядей Гришей“.

А въ препровод. письмѣ вы съ милой развязностью сообщаете:

„Посылаю нѣсколько тонкихъ остротъ“.

Недаромъ говорятъ: гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Порвали.

Керчь. — Моряку Н. — „Липскій усадилъ Ниночку на трельяжъ, а самъ побѣжалъ за мороженымъ“.

За околоточнымъ нужно побѣжать въ этомъ случаѣ, а не за мороженымъ.

Не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ 3

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

16-е изданіе книги:

Аркадій Аверченко.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ книги:

Тэффи.

И стало такъ.

и

Карусель.

Цѣна каждой книги 1 руб. 25 коп.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

7-е изданіе книги:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О хорошихъ
въ сущности
людяхъ“.**

Книга новыхъ юмористиче-
скихъ рассказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУ-
ПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

6-ое изданіе книги:

ТЭФФИ.

**Дымъ
безъ
огня.**

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

**Волчьи
ямы.**

Цѣна 50 коп.

Вышли въ свѣтъ новыя книги (выпуски „Дешевой Библиотеки“):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**ПЯТЬ ЧЕМОДАНОВЪ.
СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.**

**О НѢМЦАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ.**

Цѣна каждого выпуска 10 коп.

ПО МОДЪ.

В. В. Розановъ (почесываясь): — Ну, и времена настали: даже клопы стали пить ханжу.

ВИНА ДОСТАТЬ НЕЛЬЗЯ.

— Но я все-таки могу сдѣлать, чтобы моя жена, какъ въ доброе алкогольное время, двоилась въ глазахъ. Для этого мнѣ нужно только загризировать горничную подъ жену.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ.

— Говорятъ, что существуетъ какой-то муравьиный спиртъ... Вотъ бы рзрыть этотъ муравейникъ, да найти спиртъ, да отнять его, да выпить.

ТОНКІЙ ДЬЯВОЛЬСКІЙ РАСЧЕТЪ.

— Зачѣмъ ты ноги въ погребъ опустил?
— А тамъ сыро. Можетъ, ревматизмъ схвачу...
— Зачѣмъ?!
— А ревматизмъ-то чѣмъ лѣчать? Забылъ? Спиртомъ ноги растираютъ. Получу я тогда спиртъ, да и тово...